

ЕСЕНИН В XXI ВЕКЕ 2

Сергей Есенин
И
ИСКУССТВО

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии	6
--------------------------------	---

I

<i>Шубникова-Гусева Н. И.</i> (Москва). Есенин и искусство: Проблемы и перспективы исследования.	8
<i>Воронова О. Е.</i> (Рязань). Есенин и наивное искусство (к постановке вопроса)	34
<i>Скорыходов М. В.</i> (Москва). Тема культуры и искусства в Есенинской энциклопедии	55

II

<i>Савченко Т. К.</i> (Москва). Искусство женского портрета в лирике Есенина: некоторые наблюдения.	76
<i>Самодолова Е. А.</i> (Москва). Старообрядческие и сектантские ключи к «Ключам Марии» Есенина	99
<i>Серёгина С. А.</i> (Москва). Орнамент как искусство в «Ключах Марии» Есенина и культуре модерна	116
<i>Юдушкина О. В.</i> (Москва). «Образ двойного зрения», или Вербальный образ в теоретических работах Есенина	128
<i>Сухов В. А.</i> (Пенза). «Имажинизм родился в городе Пензе...» (пензенские истоки русского имажинизма)	139
<i>Бобилевич Гражина</i> (Польша, Варшава). Зимний пейзаж в поэзии Блока и Есенина	150
<i>Михайлов Камен</i> (Болгария, София). Есенинская молитва	162
<i>Михаленко Н. В.</i> (Москва). Отражение творческих исканий художников конца XIX — начала XX в. и иконописная традиция в произведениях Есенина	173
<i>Саловьева М. А.</i> (Егорьевск). Образ Христа в маленькой поэме Есенина «Товарищ»: историко-культурный контекст	190
<i>Карьянова Т. Ю.</i> (Константиново). Традиции русской иконописи в стихах Есенина	207
<i>Чернова Е. В.</i> (Воронеж). К вопросу о дискурсе русского бытового романса в поэзии Есенина	216

<i>Сухов А. В.</i> (Пенза). Музыкальный образ шарманки в контексте полемического диалога Есенина и Клюева	224
<i>Шипулина Г. И.</i> (Азербайджан, Баку). Слова <i>песня / петь</i> и их производные в поэзии Есенина	232
<i>Арошидзе М. В.</i> (Грузия, Батуми). О музыкальности поэзии Есенина	241
<i>Новикова М. В.</i> (Воронеж). Мотив танца в лирике Есенина	253
<i>Солобай Н. М.</i> (Москва). Есенин и искусство декламации	259

III

<i>Иогансон Б. И.</i> (Константиново). О художественном собрании Государственного музея-заповедника С. А. Есенина	290
<i>Терехина В. Н.</i> (Москва). Лик и облик Есенина в портрете Бориса Григорьева	301
<i>Бобилевич Гражина</i> (Польша, Варшава). К истории есенинских портретов: Есенин в изображении Алексея Акиндинова	313
<i>Николаева А. А.</i> (Рязань). Тема «плясок смерти» в образной системе поэмы Есенина «Пугачев» и произведениях изобразительного искусства ...	334
<i>Алексеева Л. К.</i> (Москва). Поэма Есенина «Пугачев» в иллюстрациях Андрея Гончарова и Вацлава Васковского	342
<i>Машенкова И. О.</i> (Тамбов). Есенинские ключи к сюрреалистическому Иосифу Левину	350
<i>Титова В. С.</i> (Константиново). Поэзия есенинского края в работах художников (из фондового собрания Государственного музея-заповедника С. А. Есенина)	355
<i>Калинина Л. В.</i> (Константиново). Есенинская тема в творчестве рязанских художников	371

IV

<i>Субботин С. И.</i> (Москва). Слово и текст Есенина в творческой практике Георгия Свиридова. Заметки к теме	377
<i>Машенкова А. А.</i> (Новосибирск). Интерпретация поэзии Есенина в музыке Георгия Свиридова: на примере хора «Метель»	386
<i>Евдокимова В. Ю.</i> (Константиново). «Анна Снегина» Есенина на сцене и в кино	391
<i>Кузнецова В. Е.</i> (Мурманск). Есенин и балет	400
<i>Устименко Н. М.</i> (Ростов-на-Дону). Есенин в искусстве Дона	407
<i>Доборджинидзе Д. Т.</i> (Грузия, Батуми). Есенин в Грузии	414

<i>Тернова Т. А.</i> (Воронеж). «Страна Негодяев» Есенина в контексте театральных дискуссий имажинистов	422
--	-----

V

<i>Исаханлы Исакан</i> (Азербайджан, Баку). О некоторых переводах произведений Есенина на азербайджанский язык	434
<i>Исламов З. З.</i> (Салават). Башкирские переводы Есенина	451
<i>Хило Е. С.</i> (Томск). Непозитический перевод поэзии Есенина на немецкий язык	456
<i>Казарова Н. А.</i> (Ростов-на-Дону). Есенин и литературный Ростов 1920-х гг.	460
<i>Бражников И. Л.</i> (Москва). Лирическая драма «Пугачев» как завершение «скифского сюжета» в творчестве Есенина	467
<i>Глушаков П. С.</i> (Латвия, Рига). К источникам стихотворения Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья...»	479
<i>Титова У. А.</i> (Константиново) К истории берлинских изданий книг Есенина	488
<i>Голубева Л. Г.</i> (Москва). Народный плач по Есенину	498
<i>Рублёв Д. И.</i> (Москва). Есенин в анархистской прессе России и русского зарубежья	510
<i>Ерёменко Н. А.</i> (Москва). Образ Есенина в электронных СМИ США	520
<i>Середа В. П.</i> (Тамбов). Тамбовские страницы есенинианы: по записным книжкам Н. А. Никифорова	531
<i>Юшкова Е. В.</i> (Вологда). Айседора Дункан в советской критике (1921–1927)	536
Служение отечественной классике:	
Памяти А. А. Козловского. <i>А. П. Зименков</i>	549
Сведения об авторах	552
Есенинские сборники 1994–2013 гг.	556
Указатель имен	558

Исахан Исаханлы (г. Баку, Азербайджан)

О НЕКОТОРЫХ ПЕРЕВОДАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЕСЕНИНА НА АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ЯЗЫК

Стихи Есенина переведены на многие языки мира, в том числе и на азербайджанский. Первым в Азербайджане к творчеству Есенина обратился в качестве переводчика поэт Сулейман Рустам. После него свое перо в переводе стихотворений Есенина на азербайджанский опробовали еще двадцать шесть переводчиков. В целом, к настоящему времени на азербайджанский язык переведено сто двадцать одно произведение Есенина. Если учесть еще и повторные переводы, то сегодня существует двести тридцать шесть переводов на азербайджанский язык произведений Есенина.

В статье на примере перевода известного стихотворения «Прощай, Баку! Тебя я не увижу...» расскажем об опыте перевода поэзии Есенина на азербайджанский язык и о проблемах, возникающих в процессе перевода.

Стихотворение «Прощай, Баку! Тебя я не увижу...» посвящено В. И. Болдовкину, близкому другу С. Есенина, младшему брату второго секретаря ЦК КП Азербайджана, главного редактора газеты «Бакинский рабочий» П. И. Чагана. В. И. Болдовкин в тот период работал в посольстве СССР в Тегеране. Стихотворение было напечатано в 115-м номере газеты «Бакинский рабочий» 25 мая 1925 года — в тот день, когда Есенин покидал Баку. В. И. Болдовкин так вспоминает об этом:

«Он <Есенин> с задором рассказывал, как в Балаханах проводил Первую, как горячо его приветствовали нефтяники и ему просто жаль уезжать из Баку.

— Но скоро, летом, я опять приеду сюда в Мардакяны, к Петру Ивановичу на дачу.

Я накрыл на стол, хлопотал на кухне с каким-то жареным. Сергей сидел за письменным столом. Позвонили из типографии, у телефона метранпаж Качурин.

— Кто? Вася? Качурин? Это я, Сергей. Петр там скоро освободится? Уже сверстали? Передай Петру: «Прощай, Баку!..» я посвящаю Василию Ивановичу Болдовкину. Алло, Петр? «Прощай, Баку!..» я посвящаю Василию, прошу вынуть. Вовремя? А то через полчаса было бы поздно? Ну, ничего, Качурин пусть обижается, обязательно вставит посвящение. Ждем.

Часов около двух ночи приехали брат и Качурин. Качурин держал свежий, еще пахнувший краской, оттиск газеты от 25 мая 1925 года.

Сергей стал читать "Прощай, Баку!.." и крепко-крепко поцеловал меня.

— Хорошо! Это посвящаю тебе. Жаль только, что не вместе едем в Москву.

В эту ночь Сергей был очарователен. Вчетвером провели мы эту ночь до рассвета. И я решил бросить все свои дела и ехать с Сергеем в Москву.

Решено — сделано. Итак, "Прощай, Баку!..", а друг не кивает головой [отсылка на финальные две строки стихотворения. — *И. И.*], а едет вместе с Сергеем.

В эту ночь Сергей был неподражаем. Экспромты с его уст сыпались в большом изобилии. Он был рад, что уговорил меня ехать с ним в Москву...

Наступило утро 25 мая 1925 года. Поезд Баку—Москва отходил в 13.00... Мы на площадке вагона, слышу свисток главного кондуктора, гудок паровоза, поезд медленно отходит от перрона. Сергей отвечает на десятки машущих рук: "Прощай, Баку!.."»¹.

В своем стихотворении Есенин особо выразил свою любовь к Баку:

Прощай, Баку! Тебя я не увижу.
Теперь в душе печаль, теперь в душе испуг.
И сердце под рукой теперь, больней и ближе,
И чувствую сильней простое слово: друг.

Прощай, Баку! Синь тюркская, прощай!
Хладеет кровь, ослабевают силы.
Но донесу, как счастье, до могилы
И волны Каспия, и балаханский май.

Прощай, Баку! Прощай, как песнь простая!
В последний раз я друга обниму...
Чтоб голова его, как роза золотая,
Кивала нежно мне в сиреновом дыму².

«Прощай, Баку! Тебя я не увижу...» является вторым наиболее часто переводимым на азербайджанский язык стихотворением Есенина (первое — стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...» Переведено на азербайджанский язык четырнадцатью переводчиками).

В первых письменных источниках подчеркивается, что это стихотворение впервые было переведено на азербайджанский Рафигом Зякой³. Однако исследователи забывают о существовании перевода Алекпера Зиятая, переведшего это произведение за девять лет до Рафига Зяки, в 1955 г. в связи с 60-летием со дня рождения Есенина. Это стихотворение было напечатано в сборнике переводов «Русские поэты об Азербайджане»⁴. Первана Мамедова была первой, кто

отметил, что первый перевод стихотворения «Прощай, Баку! Тебя я не увижу...» принадлежал Алекперу Зиятаю⁵.

В статье «Бакинская есениниана» Галина Шипулина отмечает:

«В азербайджанской критике существует несколько работ, в которых исследуются переводы произведений Сергея Есенина на азербайджанский язык. Одна из последних — статья Б. Перваны ««Прощай, Баку!» на азербайджанском языке»⁶, в которой анализируются четыре перевода этого стихотворения. Правда, следует отметить, что опубликовано не четыре, а пять переводов, но второй по времени перевод Фикрета Садыга 1959 г. почему-то остался вне поля зрения автора статьи»⁷.

В связи с данным высказыванием отметим, что автор по имени Фикрет Садыг никогда не переводил стихотворения «Прощай, Баку! Тебя я не увижу...». В 1959 г. не Фикрет Садыг, а Ш. Садыг перевел одно из есенинских стихотворений. Но этим стихотворением было «До свиданья, друг мой, до свиданья...» (перевод носил название «Прощай»)⁸. Несомненно, именно название ввело автора статьи в заблуждение и привело, в конечном итоге, к ошибочному выводу.

В общей сложности, стихотворение «Прощай, Баку! Тебя я не увижу...» переводили десять азербайджанских переводчиков: Алекпер Зиятай (1955), Рафик Зяка (1964), Ахмед Джамил (1974), Алиага Кюрчайлы (1975), Князь Аслан (2005), Фируз Мустафа (2005), Эльдар Несибли Сибирэль (2006), Исахан Исаханлы (2009), Гамлет Исаханлы (2010), Эйваз Борчалы (2010).

Попытаемся дать анализ имеющимся переводам (переводы автора статьи и его брата Гамлета Исаханлы объектом анализа не являются).

Перевод Алекпера Зиятая

Əziz Bakı, əlvida! Son görüşdür, əlvida!
Bir həyəcan, bir kədər könümü etmiş vətən.
Ürəyim narahatdır bu ayrılıq çağında,
Adi dostluq sözünü hiss edirəm dərindən.

Ey Azər övladının yurd-yuvası, əlvida!
Damarımda qan donur, gücdən düşür qollarım.
Ən xoş anlarım kimi çıxmaz yadımdan amma,
Xəzər dalğalarıyla, Balaxanı baharı.

Salamat qal, ey Bakı! Sən sadə bir nəğməsən,
Son dəfə öz dostumu qoy bağırma basım, qoy!
İstərəm yasəmənə tüstülərin içindən
Qızıl gül tək başını üzümə tərپətsin o!⁹

Подстрочный перевод

Милый Баку, прощай! Эта встреча последняя, прощай!
Грусть и тоска поселились в сердце моем.
Беспокойно сердце мое в час разлуки.
Простое слово «дружба» чувствую глубоко.

О, родина сыновей Азера, прощай!
В жилах застывает кровь, слабеют руки.
Но не забуду, как лучшие мгновенья,
Волны Каспия и балаханскую весну.

Счастливо оставаться, эй Баку! Ты простая песня,
Позволь обнять своего друга в последний раз!
Захочу из глубины сиреневый дым,
Как роза, клонит голову он в сторону моего лица!

Перевод Алекпера Зиятая в какой-то степени можно считать удачным. В общих чертах переводчик смог верно передать дух стихотворения и вложить в свой перевод чувства, которые автор испытывал в момент разлуки. В то же время хотелось бы отметить в переводе ряд спорных моментов.

В есенинском оригинале каждое четверостишие начинается анафорой «Прощай, Баку!». В переводе же эта фраза каждый раз приводится по-иному, что в значительной степени нарушает своеобразную форму стихотворения и наносит ощутимый урон его звучанию. Отметим, что все переводчики, кроме Алекпера Зиятая и Ахмеда Джамилы, смогли сохранить оригинальную есенинскую форму в том или ином виде.

Алекпер Зиятай строки из оригинала «Прощай, Баку! Сиянь тюркская, прощай!» перевёл как «Ey Azər övladının yurd-yuvası, əlvida!» («О родина сыновей Азера, прощай!»). Сам по себе перевод нельзя считать неудачным. Однако, если учесть, что это первый перевод стихотворения, то должны заметить, что отсутствие в переводе такой лексики, как «səma» (небо), «göy» (небеса), можно отнести к просчетам.

Выражение «балаханский май» в последней строке второго четверостишия, переведенное как «balaxanı baharı» («балаханская весна»), также не может считаться удовлетворительным. Весна — это одно из времен года, в стихотворении же речь идет конкретно о мае месяце; если быть абсолютно точным, то о 1 Мая.

Как уже было отмечено, стихотворение «Прощай, Баку! Тебя я не увижу...» было опубликовано в газете «Бакинский рабочий» в № 115 от 25 мая 1925 г. К этому времени Есенин был в Баку уже около двух месяцев (приехал в Баку 30 марта). Здесь поэта радушно встретили, были организованы разнообразные встречи с ним, проведено с его участием несколько поэтических вечеров.

1 Мая явилось для Есенина наиболее запоминающимся днем этой поездки. Весь этот день он провел среди нефтяников Балаханы и членов их семей, читая им стихи и веселясь вместе с ними. Несомненно, что поэт имел в виду именно этот день, когда писал в стихотворении — «балаханский май». В этот день был снят документальный фильм, к сожалению, не сохранившийся.

Отметим, что, в общем, ни один из переводчиков, упомянутых выше, не заметил, что под выражением «балаханский май» автор подразумевал именно 1 Мая. Нельзя не отметить и слабую рифмовку второго четверостишия перевода Алекпера Зиятая. Хотя третье четверостишие переведено удачно, тем не менее последняя строка («Qızıl gül tək başını üzümə tərətsin ol!» — «Как роза, клонит голову он в сторону моего лица») на азербайджанском языке звучит несколько неестественно.

Перевод Рафига Зяки

Əlvida, ey Bakı, vafalı şəhər!
Səni mən bir də görmədim, bəlkə!
Qəlbim eşqinlə çırpınar, döyünər,
Ey mənə məhriban olan ölkə!

Əlvida, ey Bakı, günəşli şəhər!
Ey şüalandıran fikirlərimi!
Mənə ilham verən səmavi Xəzər
Məni tərək eyləməz məzara kimi!

Əlvida, ey Bakı, gözəl mahnı!
Susuram səndən ayrılarkən mən.
Bir qızıl gül tək əy qızıl başını,
“Əlvida! Əlvida!” deyək sən, mən...¹⁰

Подстрочный перевод

Прощай, эй Баку, преданный город!
Тебя я, быть может, больше не увижу.
Мое сердце с любовью твоей бьется, трепещет,
Эй, милая мне страна!

Прощай, эй Баку, солнечный город!
Эй, освещающий мои мысли!
Воодушевляющий меня небесный Каспий
Не оставит меня до могилы.

Прощай, эй Баку, прекрасная песнь!
Умолкаю в час разлуки с тобой.
Словно роза, нагни золотую голову,
«Прощай! Прощай!» – скажем ты и я...

В переводе Рафига Зяки первая строка оригинала была передана в двух строчках, а от трех других строк оригинала не осталась и следа. Так, открыто выраженная печальная нота расставания в оригинале:

Теперь в душе печаль, теперь в душе испуг.
И сердце под рукой теперь больней и ближе,
И чувствую сильней простое слово: друг!¹¹ [I, 223], –

передана в переводе в грубоватой, не имеющей отношения к оригиналу форме:

Qəlbim eşqinlə çırpınar, döyünər
Ey mənə mehriban olan ölkə!

(Мое сердце с любовью твоей бьется, трепещет,
Эй, милая мне страна!), –

что, естественно, является недопустимым. Переводчик, не сумев уловить дух оригинала, не почувствовал ни глубокой печали, испытываемой поэтом в момент разлуки, ни биения его сердца. Мысль оригинала:

Прощай, Баку! Синь тюркская, прощай!
Хладеет кровь, ослабевают силы... [I, 223], –

переданная в переводе как

Əlvida, ey Bakı, günəşli şəhər!
Ey şüalandıran fikirlərimi!

(Прощай, эй Баку, солнечный город!
Эй освещающий мои мысли!), –

также вряд ли является удачной. Начинаешь задумываться, откуда же здесь появилась строчка «Ey şüalandıran fikirlərimi!» («Эй освещающий мои мысли!»). Возможно, переводчик перепутал слово оригинала «синь» со словом «сияние», и поэтому мысль была переведена неточно. Кроме того, выражение «балаханский май» во втором четверостишии оригинала в переводе было вообще упущено из виду.

Перевод третьего четверостишия также оставляет желать лучшего. Так, мысль «В последний раз я друга обниму...» передана неточно и сухо: «Susuram, səndən ayrılırkən mən» — «Умолкаю в час разлуки с тобой». Вообще, если убрать из этого перевода некоторые выражения, то будет трудно понять, что это — перевод известного стихотворения Есенина «Прощай, Баку! Тебя я не увижу...»

Анализируя перевод Рафига Зяки, Амирхан Халилов пишет:

«“Сердечная боль” в оригинале переведена Рафигом Зякой совершенно в противоположном смысле и в непоэтичной форме: “Qəlbim eşqinlə çırpınar, döyünər” (“Мое сердце с любовью твоей бьется, трепещет”). Следовательно, нельзя сравнивать “сердечную боль” и “биение и трепет сердца с любовью”. Такого рода неточностей в переводе Р. Зяки довольно много. В этом переводе в стихотворение были добавлены слова “ты, я, тебя, меня” без определенной на то надобности. Самое главное, что Есенин не был прочувствован, его мысли, сердцебиение были выражены сверх неестественно. Слабость этого перевода яснее выявляется при сравнении с другими переводами. Здесь восточные краски, рисуемые “восточной кистью”, не выражены во всем естественном духе, чистоте и натуральности. Перевод — самая важная сфера творческой деятельности, которая требует от переводчика еще большей ответственности за творчество автора. Потому, что это — дар писавшего в оригинале поэта своему неизвестному переводчику. А дар надо оберегать»¹².

Первана Мамедова, в своей монографии вновь подстрочно переводя на русский язык перевод Рафига Зяки, приходит к следующему выводу:

«Даже поверхностное сопоставление перевода с оригиналом показывает несостоятельность его. В переводе нет ни одной строки, ни одного стиха, которому можно было бы найти аналогии в оригинале и сказать: “Да, это идет от автора, от подлинника”»¹³.

Перевод Ахмеда Джамиля

Əlvida, Bakı! Daha çətin bir də görüşək...
İndi könlümə dolan qorxudur, qəm-qüssədir.
İndi əlimin altında daha bərk sancır ürək,
İndi daha dərindən duyuram ki, dost nədir.

Əlvida, Bakı! Ey Şərq üfüqləri, əlvida!
İnan, qanım soyusa, taqətdən düşsəm də mən,
Apararam, gedəcək mənimlə ta qəbrəcən
Balaxanı mayı da, Xəzər dalgaları da.

Əlvida! Salamət qal nəğməli könül kimi!
Qoy mən son dəfə öpüm bəri dostu, yoldaşı...

Vənövşəyi tüstüdə ayılsın qoy gül kimi
Dostun ugur diləyən, "yaxşı yol" deyəən başı¹⁴.

Подстрочный перевод

Прощай, Баку! Вряд ли мы еще встретимся...
Сейчас душа наполняется страхом, печалью, грустью.
Сейчас под рукой еще сильнее колет сердце,
Сейчас еще сильнее чувствую, что значит друг.

Прощай, Баку! Эй, горизонты восточные, прощай!
Поверь, если остынет кровь, если я выбьюсь из сил,
Унесу, уйдут со мною до могилы
И балаханский май, и волны Каспия.

Прощай! Счастливо оставаться, как полная песен душа!
Дай хоть в последний раз поцелую друга, товарища...
В фиолетовом дыму пусть нагибается, как цветок,
Голова друга, напуганная: «В добрый путь!»

Перевод Ахмеда Джамиля можно считать удачным во всех смыслах. Переводчик смог глубоко прочувствовать дух оригинала, с успехом донес до читателя всю поэзию подлинника в целом, точно и поэтично. Но в то же время следует отметить следующее. Несмотря на то, что переводчик в первых двух четверостишиях сохранил выражение «Прощай, Баку!», он опустил его в третьем четверостишии, нарушив тем самым свойственную оригиналу форму и манеру звучания.

Не может считаться удачным и частое употребление слова «indi» («сейчас») в последних трех строчках первого четверостишия, а также допущение в первой строчке третьего четверостишия слов «Əlvida» («прощай») и «Salamat qal» («счастливо оставаться») одновременно. Хотелось бы здесь отметить еще один момент. Стихотворение в оригинале заканчивается так:

Чтоб голова его, как роза золотая,
Кивала нежно мне в сиреновом дыму [I, 223].

Разбирая последнее четверостишие перевода Ахмеда Джамиля, Первана Мамедова пишет:

«Из оригинала видно, что речь идет о бакинском мае, периоде цветения сирени. Таким образом, ясно, что "сиреневый дым" имеет, кроме цветового, чисто метафорическое значение и указание на конкретное астрономическое время. И такая трансформация (замена оригинального выражения "сиреневый дым"

на «фиалковый дым» – в переводе И. Исаханлы) недопустима, ибо конец весны (май месяц), заменяется ранней (март), периодом цветения фиалок»¹⁵.

Отсюда очевидно, что Первана Мамедова связывает выражение «сиреневый дым» с сиренью. По нашему мнению, эта мысль, сколь ни была бы она интересной, является ошибочной. В таком случае, слово «дым» в выражении «сиреневый дым» остается неясным даже при накладывании на него «метафорического оттенка». Мы утверждаем, что Есенин под «сиреневым дымом» подразумевал отнюдь не сирень, а туманный воздух сиреневого оттенка – дым, образовавшийся во время переработки нефти. Обладая отменным мастерством уподобления, Есенин описывает картину разлуки с Баку на фоне «сиреневого дыма» нефти, являющегося символом тогдашнего (да и нынешнего) Баку.

Отметим, что Алекпер Зиятай и Ахмед Джамиль, переведя выражение «сиреневый дым», правомерно акцентировали внимание не на «сирени», а на «дыме». А «сирень» и «фиалка» в их переводах – лишь указатели цвета дыма. Уместно напомнить и тот факт, что в стихотворении «Отчего луна так светит тускло...» Есенин, описывая ночь в сиреновом цвете, использует выражение «сиреневые ночи».

Перевод Алиага Кюрчайлы

Əlvida, Bakı! Səni mən bir daha görməgəm,
İndi mənim qəlbimdə kədər, qorxu səsi var.
Ütəyim daha yaxın, xəstəhal vurur bu dəm,
Daha möhkəm duyuram – sadə dost kəlməsi var.
Əlvida, Bakı! Mavi türk səməsi, əlvida!
Qüvvədən düşürəm mən, damarımda donur qan.
Mən bir səadət kimi aparram məzaracan
Balaxanı mayını, Xəzər dalğasını da.

Əlvida, Bakı! Sadə nəğmə kimi, əlvida!
Son dəfədir sızırım sənəmə dostumu mən...
Onun başı qoy qızılgül kimi bu son anda
Yellənsin vida deyə yasəmənələr içindən!¹⁶

Подстрочный перевод

Прощай, Баку! Не увижу тебя больше я,
Теперь в моем сердце скорбь и голос страха.
В это мгновенье сердце стучит еще ближе и болезненней,
Еще сильнее чувствую: есть простое слово «друг».

Прощай, Баку! Синее тюркское небо, прощай!
Силы теряю я, в жилах застывает кровь.
Я, как счастье, донесу до могилы
Балаханский май и волны Каспия.

Прощай, Баку! Как песнь простая, прощай!
В последний раз прижимаю к груди друга я...
Пусть его голова, как роза, в этот последний миг
Качается на прощанье среди сирени.

Ясно видно, что переводчик Алиага Кюрчайлы глубоко ощутил чувства, пережитые автором стихотворения в момент расставания с Баку. Он смог достаточно близко к оригиналу и в полной мере передать волнение и грусть расставания. Вместе с тем отметим три момента. Во-первых, во второй строчке первого четверостишия «İndi mənim qəlbimdə kədər, qorxu səsi var» («Теперь в моем сердце скорбь и голос страха») было бы более правильно использовать слово «hissi» («чувство») вместо «səsi» («голос»). Потому что человек не слышит, а чувствует страх.

Во-вторых, в том же четверостишии строчку «И сердце под рукой теперь больней и ближе...» передать в виде «Ügəyim daha yaxın, xəstəhal vurur bu dəm» («В это мгновенье сердце стучит еще ближе и болезненней») не является удачным вариантом. В результате дословного перевода слова «ближе» («yaxın») теряется поэтичность не только строки, но и всей строфы. На самом же деле, словом «ближе» поэт хотел передать трепет и биение сердца в час разлуки.

В-третьих, в последнем отрывке последней строфы выражение «сиреневый дым» было переведено ошибочно, как «цветок сирень». Об этом моменте мы уже говорили выше, анализируя перевод Ахмеда Джамия.

Хочется особо отметить одно важное обстоятельство, отличающее перевод Алиаги Кюрчайлы от предыдущих трех. При переводе выражения «синь тюркская», в отличие от трех предыдущих переводчиков, он отказался от обобщенных выражений, таких, как «Azər övladının yurd-yuvası» — «родина сыновей Азера» (А. Зиятай), «günəşli şəhər» — «солнечный город» (Рафиг Зяка), «şərq üfüqləri» — «восточные горизонты» (А. Джамиль), и с точностью перевел: «mavi türk səması» — «синее тюркское небо», что полностью соответствует оригиналу.

Перевод Князя Аслана

Əlvida, ey Bakı! Ayrılacaq gərək,
Kədər var, qorxu var qəlbimdə indi.
Əlimin altında ağrıyır ürək,
Dostu qoyub getmək yaman çətindi.

Əlvida, ey Bakı! Ey türk səması!
Tükənir qüvvətim, buzlayır qanım.
Mənimlə məzara gedir, inanın,
Balaxanı mayı, Xəzər dalğası.

Əlvida, ey Bakı! Sadə nəğmə tək!
Sən dəfə dostyana qoy qucum səni...
Qoy qızıl gülləri yelləsin külək,
Yasəmən baş əyib ötürsün məni¹⁷.

Подстрочный перевод

Прощай, эй Баку! Нам надо расстаться,
В сердце моем сейчас скорбь и страх.
Под рукой болит сердце.
Уйти, оставив друга, ой как больно.

Прощай, эй Баку! Эй тюркское небо!
Иссякают силы, застывает кровь.
Со мною в могилу уходят, поверьте,
Балаханский май, Каспийские волны.

Прощай, эй Баку, как песнь простая!
Дай в последний раз по-дружески обниму тебя...
Пусть качает розы ветер,
Чтобы, наклонив голову, сирень провожала меня.

В оригинале в первом четверостишии сердце поэта наполнено печалью при мысли о том, что он больше никогда не увидит Баку. В переводе же создается впечатление, что поэт просто ненадолго расстается с полюбившимся ему городом. Здесь не находит своего выражения мысль о том, что они больше никогда не встретятся.

В последней строке первого катрена переводчик так же совершенно по-другому передает мысль оригинала. И если во втором четверостишии он сохраняет мысль и поэтичность оригинала, — о переводе третьего четверостишия этого сказать нельзя. Перевод последних двух строк («Qoy qızıl gülləri yelləsin külək/Yasəmən baş əyib ötürsün məni» — «Пусть качает розы ветер, чтобы, наклонив голову, сирень провожала меня») не может удовлетворить взыскательного читателя и исследователя. В отличие от оригинала, этот отрывок имеет совсем другой смысл. И, несмотря на то, что двустишие, само по себе, звучит достаточно поэтично, — это совсем не Есенин.

Перевод Фируза Мустафы

Səni görməyəcəm, əlvida, Bakı!
Qəlbimi sarıbdı kədər, qüssa-qəm.
Ürəyim köksümdən çıxacaq sanki,
Dostumsan — bu sözlər çıxır dilimdən.

Əlvida, türk göyü — əlvida, Bakı!
Ürəyim sonuncu anları sayır.
Qəbrəcən könlümdə qalacaq bil ki,
Xəzər ləpələri, Balaxan mayı.

Nəğmə tək, əlvida! Əlvida, Bakı!
Öpürəm mən gözü yaşlı dostumu.
Yasəmən tozunda qızıl gül kimi
Əyilir köksünə başı dostumun¹⁸.

Подстрочный перевод

Тебя я не увижу, прощай, Баку!
Грусть, печаль окутали мою душу.
Сердце будто выскочит из груди,
Ты мой друг — слова эти звучат из уст моих.

Прощай, тюркское небо, прощай, Баку!
Сердце доживает последние мгновения,
Знай, до гроба останутся в моем сердце
Волны Каспия, балаханский май.

Как песнь, прощай! Прощай, Баку!
Целую я друга со слезами на глазах.
Словно роза в сиреновой пыли,
Нагибается к груди голова друга.

Переводчик, ставя выражение «Əlvida, Bakı!» («Прощай Баку!») не в начале, а в конце первой строчки каждой строфы, старается, в какой-то мере, сохранить форму, но тем самым нарушает интонационное звучание стихотворения.

Хотя мысль в первой строфе перевода выражена достаточно полно и поэтично, перевод полустипшия второй строфы «Хладеет кровь, ослабевают силы» как «Ürəyim sonuncu anları sayır» («Сердце доживает последние мгновения»), как нам кажется, в общем хоть и можно принять, но с точки зрения поэтично-

сти слаб. Дословный перевод этого полустипа был бы более убедительным. Во второй строфе в последнем полустипе слово «Balaxanı», чтобы не нарушить количество слогов, дано как «Balaxan», и это тоже неудачно, потому что «Balaxanı» — это название конкретной местности, а «Balaxan» — человеческая имя.

Перевод выражения «в сиреневом дыму» в финале стихотворения как «yasəmən tozu» («сиреневая пыль») тоже вызывает недоумение.

Перевод Эльдара Насибли Сибиреля

Əlvida, Bakı! Səni, bəlkə, görmədim yənə,
İndi könlüm kədərli, qəlbim səksəkəlidir.
Ürəyim də əlaltda xəstə olsa da, sənə
Sadəcə, dostum desəm, hər şeydən irəlidir.

Əlvida, Bakı! Doğma türk göyləri, əlvida!
Daha qanım soyuyur, daha gücüm yayınır.
Xoşbəxtlik tək aparram özümlə məzara da
Xəzərin dalğasını, Balaxanı mayını.

Əlvida, Bakı! Sadə nəğmə kimi, əlvida!
Sonuncu dəfə səni gəl, sıxım köksümə mən.
Dostum, qızılgül kimi qoy yellənsin başın da
Mənimlə vidalaşan yasəmənələr içindən¹⁹.

Подстрочный перевод

Прощай, Баку! Тебя, может, не увижу снова,
Теперь в душе печаль, теперь в душе испуг.
Пусть сердце под рукой больное, тебя я
Просто, если другом назову — и это превыше всего.

Прощай, Баку! Родные тюркские небеса, прощайте!
Уж кровь хладеет, силы иссякают.
Как счастье унесу с собой в могилу я
Волны Каспия и балаханский май.

Прощай, Баку! Как песнь простая, прощай!
Дай прижму тебя к груди в последний раз.
Мой друг, подобно розе, пусть кивает голова твоя,
Среди сирени прощающийся со мной.

В оригинале автор уверен, что больше не увидит Баку; переводчик допускает варианты: «Səni, bəlkə, görmədim yenə» («Тебя, может, не увижу снова»). Вместе с тем отметим здесь, что переводчик точно и поэтично, совсем по-есенински передал вторую строку стихотворения: «Теперь в душе печаль, теперь в душе испуг» — «*indi könlüm kədərli, qəlbim səksəkəlidir*».

На наш взгляд, является неудовлетворительным перевод строки «И сердце под рукой теперь больней и ближе...» как «*Ürəyim də ələltdə xəstə olsa da*» («Пусть сердце под рукой больное»). У поэта не больное сердце, этой строчкой он просто выражает грусть расставания с Баку. Достаточно слабым с точки зрения поэтичности является также перевод второй строки второго четверостишия: «*Daha qanıı soyuyur, daha gücüm uayınır*».

Как и в большинстве переводов, здесь также наблюдается неточный смысловой оттенок передачи последней строки третьего четверостишия: и здесь «сиреневый дым» дан как «*Yasəmən gülü*» («сиреневый цветок»).

Перевод Эйваза Борчалы

Əlvida, Bakı! Daha görməyəcəm səni mən.
Kədər çöküb könlümə, qorxu keçir içimdən;
Əlim altda ürəyim didib tökülür özünü
Daha bərk hiss edirəm mən indi dost sözünü.

Əlvida, Bakı! Mavi Türk diyarı, əlvida!
Tükənir canda taqət, soyuyur damarda qan.
Ammə mənə gedəcək mənə səadət olan
Xəzərin dalğası da, Balaxanı mayı da!

Əlvida, Bakı! Sadə bir nəğmətək əlvida!
Son dəfə can dostumu basaram bağırama mən
Qızılğültək boy verib başımı sallar o da
Yasəmən çalarlı tüstü-duman içindən²⁶.

Подстрочный перевод

Прощай, Баку! Больше не увижу тебя я.
Грусть объяла душу, страх обуял меня;
Под рукою моей сердце распинаят себя.
Еще сильнее чувствую я теперь слово «друг».

Прощай, Баку! Синий тюркский край, прощай!
Нет сил больше в теле, остывает в жилах кровь.

Но со мною уйдут ставшие счастьем для меня
И волны Каспия, и балаханский май!

Прощай, Баку! Как песнь простая, прощай!
Последний раз сердечного друга обниму.
Как роза, раскинувшись, головой поникнет он
Сквозь розового оттенка дымка-тумана.

Хотя первое четверостишие и переведено достаточно точно и интересно, выражение «*didib töküř özüni*» («*распинает себя*») в третьей строке звучит неестественно и выглядит несколько слабо. Потому что, фактически, в нашем языке по отношению к сердцу такое выражение не употребляется. Отметим и то, что при переводе этого четверостишия была нарушена также и система рифмы оригинала. В переводе рифмуются между собой первая-вторая и третья-четвертая строки, между тем как в оригинале — первая-третья и вторая-четвертая.

В третьей строке второго четверостишия также чувствуется определенная неестественность. Смысл этой строки в оригинале прост и понятен, а в переводе он «утяжелен».

Хотя, в отличие от ряда переводчиков, автор и сумел найти достаточно интересное выражение «*Yasəməni çalarlı tüstü-duman*», соответствующее выражению «сиреневый дым» в оригинале, в целом необходимо отметить, что перевод последнего четверостишия получился не совсем удовлетворительным.

Как видно, переводы стихотворения «Прощай, Баку! Тебя я не увижу...», с точки зрения временного отрезка, охватывают 55-летний промежуток (первый перевод — 1955, последний — 2010). Первые четыре перевода были сделаны в течение двадцати лет (1955–1975); затем в течение последующих тридцати лет (1975–2005) к этому стихотворению никто не обращался. Наконец, начиная с 2005 г., в преддверии 110-летнего юбилея Есенина, интерес к его поэзии возрастает, и многие поэты-переводчики обращаются к его произведениям, в том числе и к «Прощай, Баку! Тебя я не увижу...» Из привлеченных к анализу восьми текстов пять переведены четырнадцатисложником, два — одиннадцатисложником, а один — перевод Рафига Зяки — сделан в ритме «аруз»²¹.

Опираясь на результаты предпринятого анализа и мнения других специалистов по поводу этих переводов, можно сделать вывод, что лучше всего использовать четырнадцатисложник в передаче общего настроения этого стихотворения. Именно в этом случае душевные переживания, грусть разлуки могут быть переданы точнее, выразительнее и поэтичнее. При передаче всех этих нюансов одиннадцатисложником ощущается некая «теснота» и возникает проблема «недостатка слога», «недостатка слов».

Во всех переводах, привлеченных к анализу, мы можем отметить сильные и слабые стороны, но наиболее удачными, на наш взгляд, являются переводы Алек-

пера Зиятая, Ахмеда Джамиля и Алиаги Кюрчайлы среди четырнадцатисложных переводов и одиннадцатисложный перевод Князя Аслана.

Хотя в переводе и важно максимально точно соответствовать оригиналу, но, думается, не менее важно и другое: понимать, насколько естественно сделан и звучит перевод на языке перевода, в данном случае — на азербайджанском языке.

С этой точки зрения из четырех выделенных как лучшие переводов наиболее поэтичным считаем перевод Ахмеда Джамиля. Переводчик, глубоко прочувствовав и уловив общий дух есенинского стихотворения, написанного «кровью сердца», мастерски перевел его на азербайджанский язык.

Учитывая огромную любовь читателей к есенинскому творчеству, несколько не сомневаемся в том, что будут появляться новые и новые переводы поэзии Есенина, в том числе переводы стихотворения «Прощай, Баку! Тебя я не увижу...»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Болдовкин Василий*. Он всем нам родной // Слово. Российский журнал художественной литературы и общественной мысли. М., 2003, № 2. С. 89–90.

² Бакинский рабочий. 1925, 25 мая.

³ *Халилов Амирхан*. Сергей Есенин. Золотая осень и весна Мардакяна (на азербайджанском языке). Баку: изд-во «Азербайджан», 1996. С. 69; *Новрузов Рафик*. Художественный перевод и проблема взаимодействия, взаимообогащения литератур. Баку: Элм, 1990. С. 306.

⁴ Русские поэты об Азербайджане (на азерб. яз.). Баку: Азгосиздат, 1955. С. 34.

⁵ *Мамедова Первана*. Сергей Есенин на азербайджанском языке. Баку: Мутарджим, 2003. С. 70–71.

⁶ Литературный Азербайджан. 1994. № 4–6. С. 168–172.

⁷ *Шипулина Галина*. Бакинская Есениниана // Столетие Сергея Есенина. Международный симпозиум. Есенинский сборник. Вып. III. М.: Наследие, 1997. С. 321.

⁸ *Ədəbiyyat və incəsənət* (Литература и искусство), 1959. 10 января.

⁹ Русские поэты об Азербайджане. С. 34.

¹⁰ *Azərbaycan gəncləri* («Молодежь Азербайджана»), 1964, 29 мая.

¹¹ *Есенин С.* Полн. собр. соч. / Ин-т мировой лит. РАН / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев. Т. 1 / Сост. и коммент. А. А. Козловский. М.: Наука; Голос, 1995. С. 223. Далее это издание цитируется в тексте, том и страница указываются в квадратных скобках.

¹² *Халилов Амирхан*. Сергей Есенин. Золотая осень и весна Мардакяна. С. 71.

¹³ *Мамедова Первана*. Сергей Есенин на азербайджанском языке. С. 74.

¹⁴ *«Ədəbiyyat və incəsənət»* («Литература и искусство»), 1974, 6 октября.

¹⁵ *Мамедова Первана*. Сергей Есенин на азербайджанском языке. С. 77.

¹⁶ *Есенин С. А.* Стихи и поэмы / Пер. Алиага Кюрчайлы. Баку: Азернешр, 1975. С. 154.

¹⁷ Поэтические переводы. Первый сборник (на азерб. яз.). Баку: Хазар Университети, 2005. С. 123.

¹⁸ «Тас» («Корона»), 2005. 04–14 ноября.

¹⁹ «Azərbaycan» («Азербайджан»), 2006. 4 июня.

²⁰ *Есенин С. А. Персидские мотивы* / Пер. Эйваз Борчалы. Баку: Адилоглу, 2010. С. 33.

²¹ Система стихосложения в поэзии ряда стран Ближнего и Среднего Востока, в том числе и в Азербайджане. Основана на чередовании долгих и кратких слогов.